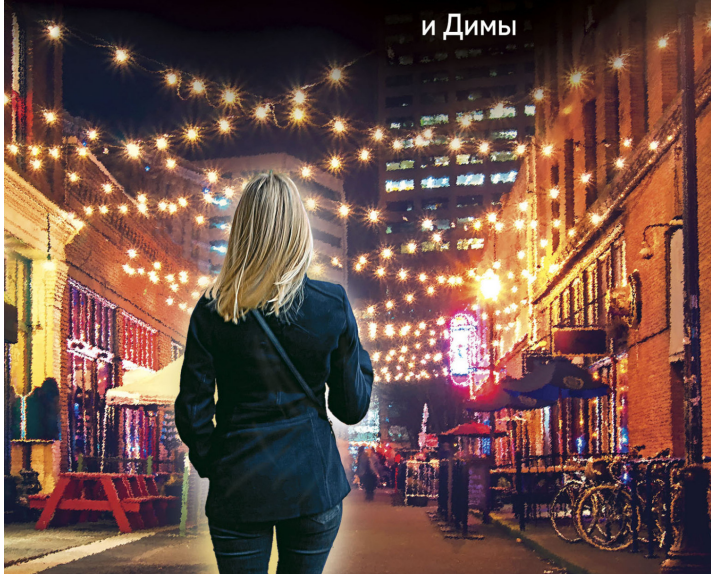

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Смерть за добрые дела

Последнее
дело Нади
и Димы

Анна и Сергей Литвиновы
Смерть за добрые дела
Серия «Знаменитый тандем
Российского детектива»
Серия «Спецкор отдела
расследований», книга 14

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68893431
Смерть за добрые дела: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-181568-4

Аннотация

В новом остросюжетном романе Анны и Сергея Литвиновых «Смерть за добрые дела» возвращаются любимые герои – журналист Дима Полуянов и его подруга, библиотекарь Надя Митрофанова.

В книге раскрывается острая актуальная тема – сайты, куда люди обращаются за помощью, и им безвозмездно помогают. Но за добрые дела не всегда благодарят. Особенно, если используешь для решения чужих проблем нестандартные методы. Лишь когда Надя сама оказывается в смертельной опасности, она рассказывает Диме о своем секретном хобби. И не ведает, что теперь уже они оба могут стать пешками в чужой и опасной игре...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

82

**Анна Витальевна
Литвиновы
Смерть за добрые дела**

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Смерть
за добрые
дела

МОСКВА
2023

Все персонажи и события вымышлены. Всякое совпадение или сходство с реальностью возможно только случайно.

Ромео на сцене нежно обнял Джульетту, она доверчиво склонила на его плечо голову, и полный зал искушенных балетоманов в очередной раз поверил: эти двое проживут вместе долго и счастливо.

Ангелина сделала глоток шампанского. Так странно – пить, когда перед тобой танцуют звезды первой величины. Но в ложе администрации все позволено. Закуски – канapé с красной икрой – тоже имелись. Впрочем, жевать, когда сидишь совсем рядом со сценой, Ангелина считала неприличным.

Джульетта совершила головокружительный прыжок и упала в объятия Ромео. Зрители зааплодировали. Дирижер опустил палочку: дал балерине возможность присесть в благодарном реверансе. Она улыбалась залу, то и дело оборачиваясь на их ложу. Феликс перехватил ее ищущий взгляд. Сделал несколько показательных хлопков – и лицо красавицы осветилось счастьем.

– Тоже из твоей свиты? – с улыбкой шепнула Ангелина.

– Просто ценит мое скромное мнение. – Сверкнул карими очами, понизил голос до еле слышного: – *А нравятся нашей Джульетте исключительно богатые «папики».*

Надо же! Когда Ангелина смотрела на сцену, была увере-

на: у примы и в жизни роман с тем парнем, кто Ромео танцует. Уж очень страстно у них танец лился.

Но этих балетных не поймешь. Про ее спутника тоже разное болтали, вплоть до нетрадиционной ориентации. Лишь когда стали встречаться, Ангелина поняла: злопыхатели врут. Феликс – настоящий *мужчина*. Сильный. Самобытный. Яркий.

Ничего подобного в ее коллекции прежде не было.

И весьма льстит, что именно от нее сей великолепный экземпляр голову потерял. Хотя чему удивляться? Остальные дамы – Ангелина заметила – рядом с Феликсом себя по единому шаблону ведут. Разглядывают с восторгом, будто в музее застыли перед Аполлоном Бельведерским. Слушают, рот разинув: рассказчик Феликс великолепный. И у всех в глазах тайная надежда – приручить, окольцевать. Ясно, что вольного сокола подобная перспектива пугает.

А в ней он, видно, почувствовал по-настоящему свободную женщину. Ангелина – без дураков – чуть не единственная в столице, кому замуж вообще не надо. И это не притворство, а осознанная позиция. Зачем ей в своем доме постоянный кобель, когда и так есть и мужчины, и деньги, и карьера?

Ромео на сцене упал к ногам Джульетты.

Феликс уверенно положил ладонь на бедро Ангелины. Ее тело прошел электрический ток. Надо же, музыка Прокофьева и полумрак директорской ложи оказались афродизиаками. Она не скрыла приятную дрожь, и Феликсу, несомнен-

но, доставило удовольствие ее почувствовать.

Они оба – и восторженный зал – продолжали смотреть на сцену.

Никто не обращал внимания на белокурую зрительницу во втором ряду первого яруса. Девушка, как и многие прочие, устала бинокль на правую кулису, рядом с которой Ромео вскинул Джульетту в великолепной поддержке. Только на самом деле смотрела она не туда. Блондинка на максимальном увеличении разглядывала, что происходит в директорской ложе. И по лицу ее текли слезы.

* * *

До чего мерзко, когда от тебя пахнет трупами. Стасик успокаивал: кажется. Это собственные рецепторы в носу впитали вонь. Но Надя не верила.

Полуянов позвонил ровно в тот момент, когда Надя выходила из морга. Доложил, что едет домой, и поинтересовался, будет ли ужин. Зря она надеялась, что закажет пиццу, – сама разбаловала.

Пришлось тащиться в супермаркет. Когда Надя выбирала мясо, дама, что стояла рядом, повела носом:

– Тухлятиной какой-то несет.

Митрофанова сразу шарахнулась.

Продавщица обиделась, начала доказывать, что у них все только свежее, а у бедной Нади перед глазами сразу посине-

лый мертвец с разверстой грудной клеткой. Ох, как от него воняло! Вроде чем-то химическим, но сладковатый запах гниения тоже отчетливо пробивался. А теперь и от нее, наверно, этой мерзостью пахнет.

Вернулась домой и даже покупки не бросила в холодильник, сразу кинулась в душ. Когда вышла разругавшаяся, в халате, Димка взглянул удивленно:

– Ты разве не на фитнесе была?

– На фитнесе.

– А почему в клубе не помылась?

– Да у нас... э... воду горячую отключили.

– В сентябре?

– Там какая-то авария у них.

Врать не умела, глаза сразу долу.

Полуянов хихикнул:

– Ты от любовника, что ли?

Обиделась:

– Ты издеваешься?

Дима ответствовал тоном склочника-домостроевца:

– Как мне еще реагировать? Муж усталый после работы, а жена на фитнесе расслабляется. Да вместо того, чтоб потом сразу на кухню, ванну с пеной изволит принимать.

– Не ванну, а душ. И вообще не ворчи, – улыбнулась она, – сейчас будет тебе ужин.

Готовить любила с чувством и с толком, но в крайнем случае можно просто отбивные кинуть на сковородку. А пока

жарятся, быстрый салат сварганить: айсберг, огурчики, моцарелла, руккола, помидорчики черри – тоже нормально. Когда Димка пришел на ароматы, спросила:

– Винцо у нас есть в погребах?

Не далее как вчера вели беседу о здоровом образе жизни, решив: употреблять будут только по особым поводам и выходным. Но ей нужно было снять стресс после морга.

Полуянов напоминать об уговоре не стал, открыл бутылочку чилийского.

Надя с удовольствием сделала первый глоток. Все, забудь! У тебя есть дом, любимый мужчина, вкусный ужин.

Но перед глазами продолжал маячить освеженный труп с головой, запрокинутой на подставке-чурбачке. Перепуганные глаза Тошки. Давится, с трудом сдерживает рвоту, отчаянно молит:

– Можно я уйду? Пожалуйста!

Но она только усмехается:

– Нет, милый. Никуда ты не уйдешь. Мы еще даже не начинали.

* * *

Саню сегодня вызвала социальный педагог и снова потребовала признаться, откуда синяки.

– Да со льда все, Наталья Юрьевна, – горячо уверял он. – Я ж хоккеем занимаюсь, сами знаете: спорт жесткий.

– А на шее почему синева? Удушающий прием провели?

– Ну да.

– Разве ты без защиты играешь?

– Нету на шее защиты, – пробормотал.

Но щеки, почувствовал, заливает румянец.

А социальный педагог вкрадчиво сказала:

– Сашенька, я знаю больше, чем ты думаешь. И тебе только лучшего желаю. Если тебя кто-то обижает, нельзя терпеть!

– Кто меня в школе тронет? – усмехнулся он.

– Тем страшнее, что бьет тебя человек близкий.

– Никто меня не бьет.

– Понимаю, – вздохнула она грустно. – Не хочешь признаться. Но мы ведь можем тебя защитить!

– Да какой толк от вашей защиты! – не выдержал Санька. – Пришлете комиссию. Будут чужие тетки в холодильнике рыться, смотреть, есть ли стол письменный. Так стол у меня есть. И сортир собственный. И икры в холодильнике трехлитровая банка.

Социальный педагог понурилась:

– Согласна. Государственная система не всегда совершенна... но я боюсь за тебя, понимаешь?

– Я смогу за себя постоять, – сказал он твердо.

А Наталья Юрьевна задумчиво сказала:

– Знаешь, есть такой сайт. «Кайрос». Говорят, там реально помогают. Все полностью анонимно. И люди серьезные.

Попробуй. Вдруг получится?

* * *

Все подростки покуривают. Ольга и сама активно баловалась, когда ей было шестнадцать. Запугивания взрослых про грядущую зависимость и рассказы, что легкие почернеют, вообще не трогали. Наоборот: чем больше гоняли, тем сильнее хотелось нарушить правила.

В собственном воспитательном процессе дала зарок: глупых родительских ошибок не повторять. Антону, сыночку любимому, позволяла самому набивать себе шишки. Но с табаком примириться не могла никак. Не из прихоти – другого выхода не было.

В двенадцать лет у сына открылась астма, и врач особо предупредил: дым табачный ее течение многократно ухудшит. Ольга сначала думала: пугает, как положено докторам. Но почти каждый раз после того, как сын старательно зажевывал пепперминтом сигаретные ароматы, на него накатывал приступ. «Скорая», кислород, гормоны, иногда и больница. Мать умоляла:

– Да хоть пей, хоть по девкам ходи. А курить нельзя. Неужели сам не понимаешь?

Тошка хлопал роскошными бархатными ресницами:

– Ма-ам! Да я одну затяжку всего!

Обещал, конечно: больше не будет. Клялся, что осознал.

Но вырывался вечером поболтаться с дружками – и снова повторялось. Даже если у сына приступа ночью не случалась, к утру Ольга от нервов, от ожиданий тягостных саму себя доводила почти до предынфарктного состояния.

Она и с детским психологом общалась, и к наркологу сына таскала. Все без толку. Окончательно не подсел, но за компанию покуривал регулярно.

Когда услышала про «Кайрос» и его методы, написала туда горячее, отчаянное письмо. На ответ особо не надеялась. У них на форуме столько серьезных бед, кому есть дело до неразумного, безвольного подростка? Но в тот же вечер ей позвонила женщина. Представилась Надей. Вопрос зада-ла странный:

– Фильмы ужасов ваш сын смотрит?

Ольга усмехнулась:

– Смотрит. Но он у меня трусишка. Когда момент страш-ный, глаза зажмуривает.

– Это хорошо, – почему-то обрадовалась собеседница. И сразу новый вопрос: – А есть у вашего сына старший друг или родственник, чье мнение он уважает?

– Есть двоюродный брат. На пять лет старше, в МГИМО учится. Он Тошу от многих глупостей удержал. Но от сигарет отвратить никак не может.

– Отлично, – еще более довольным тоном отозвалась На-дя. – Я берусь за ваше дело. Сыну ни слова. Дайте мне теле-фон брата и предупредите, кто я такая.

Ольга умирала от любопытства. Но сотрудники «Кайроса» категорически требовали прежде, чем кидать мольбу на их сайт, прочитать правила. Первым пунктом значилось: «Если к нам обращаетесь – значит, доверяете. А раз доверяете – не пытайтесь нас контролировать. Мы приложим все силы, чтобы помочь. Но *метод* будем разрабатывать сами. Пожалуйста, не задавайте вопросов, как и когда. Мы все равно не ответим».

Племянник – сколько ни пыталась Ольга вызнать – тоже ничего по делу не сказал.

Но вид имел хитрый. И очень встревоженный.

* * *

Зевс дочитал очередное благодарственное письмо. Заканчивалось оно словами: «Вы просто бог!»

Теплые слова слышать всегда приятно. Но последняя фраза покорила.

Отошел от компьютера. С отвращением взглянул в зеркало. Не все боги красивы, но тех, кто *над миром*, объединяет одно: они всегда ставят дело над личным.

Он прежде тоже посвящал жизнь исключительно служению. Не перечесть, кого спас, скольким подарил несколько лишних лет или хотя бы позволил умереть счастливыми.

За единственную ошибку молодости, считал, расплатился сполна. Кто мог подумать, что возмездие все-таки его на-

стигнет? А добрые дела – сколько бы ты их ни творил – теряют всю свою ценность, если ты хоть раз совершаешь зло.

«Остановись. Опомнись», – убеждал себя.

Но в памяти немедленно всплывало лицо искусительницы, и понимал: не может он противиться року.

* * *

Когда брательник предложил сходить в морг, Антон согласился сразу. Его давно занимал вопрос, насколько трупы из кинчика реально похожи на настоящие. Да и вообще приколно.

Встречу назначили на восемь вечера. За окном дождь, сушки – трупаки в темноте, наверно, совсем страшными выглядят.

– Почему днем нельзя было? – спросил он боязливо.

– Глупый, что ли? – фыркнул брат. – Ты ж мелкий, а в морг детям не положено, чтоб психику не травмировать. Приходится ждать, пока начальство уйдет.

На территорию больницы пробирались через дырку в заборе. В кованую дверь патологоанатомического отделения стучали условным стуком.

Отворил санитар – тощий, череп пергаментной кожей обтянут, зеленая униформа в зловещих пятнах.

– Вот, – представил двоюродный брат, – наш юный гость.

Санитар зловеще усмехнулся:

– Ну, пошли.

И сразу хватать за плечо – пальцы холодные, цепкие. Тоша не сомневался: брательник с ними вместе пойдет. Но тот сразу за дверь, одного бросил!

Страшный дядька деловито спросил:

– Тебе показать, как храним, или сразу на вскрытие?

Решимость Антошкина улетучивалась все стремительнее.

Но храбро сказал:

– Давайте в хранилище сначала.

– Ну, тогда гляди. – Санитар втолкнул его в сумрачную комнату.

Стены кафельные, посреди каталка, на ней тело под простыней. Рука выбилась, к полу свешивается, пальцы скрючены.

Проводник включил яркий свет, скинул покров. Дед. Тощий. Голый. На груди неприятные пятна синие. И глаза открыты, будто подсматривает.

– Этого только привезли, – сказал санитар. – Оформить надо.

И бирку клеенчатую с чернильным номером протягивает:

– Давай помогай. На ногу прицепи ему. На большой палец.

Руки у Тошки дрожат, ладони вспотели. Но храбро взял. А едва холодного тела коснулся, взвизгнул: показалось, шевельнулся мертвец.

– Слабак, – пренебрежительно сказал санитар.

Бирку сам покойнику надел, а Тошу потащил в комнату

побольше. Здесь оказалось еще ужаснее. Два стола металлических. На одном голый труп, да какой – серо-синий, с грудью испортой. Под головой деревянный чурбачок, острая бороденка смотрит в потолок, а лицо молодое совсем. У секционного стола женщина в белоснежном халате. Глаза строгие. И его откуда-то по имени знает. Велела:

– Подойди ближе, Антон.

Подошел. Страшно, противно. Руки липкие.

Докторша усмехнулась:

– Да ты боишься! Может, домой?

– Нет-нет! Я хочу посмотреть! – голос дрогнул, сорвался.

– Прямо вскрытие посмотреть? А не стошнит?

Подросток сглотнул. Прошептал мужественно:

– Я смелый.

– Хорошо. Давай тогда вместе закончим с грудной клеткой.

С равнодушным лицом погрузила обе руки в разрезанную грудь. Вытащила из покойника что-то большое, черное, омерзительное. Спросила:

– Как думаешь, что это?

Биологию Тоша любил. И, хоть сейчас очень боялся, головы окончательно не потерял. По форме, да и месту, откуда достала, на легкое похоже. Но почему цвет такой? Должно ведь розовым быть? Или хотя бы бурым?

А докторша вдруг предложила:

– Наклонись. Понюхай.

Тут уж не выдержал. В страхе отступил, взмолился:

– Можно я уйду? Пожалуйста!

Но злющая только усмехается:

– Нет, милый. Никуда ты не уйдешь. Мы еще даже не начинали.

И санитар настороже, сзади. Одной стальной рукой держит, второй его голову почти к секционному столу наклоняет.

Гниль. Химическое что-то. И отчетливо – как из пепельницы переполненной.

Подросток закашлялся. Врачиха сказала:

– Курил с пятнадцати. Умер в двадцать. От рака легких.

За пять лет органы дыхания обратились в труху.

Легкое черное, страшное, вонючее в руках держит, предлагает:

– Рассмотрю. Вообще живого места нет.

Тоша когда-то статью читал: про черные легкие – вранье и пропаганда. Специально в темный цвет красят. Но тут однозначно не краска. При нем вытащила. Цвет, несомненно, настоящий. И запах реально чувствуется!

А врачиха вдруг смотрит ему в глаза и говорит ангельским голосом:

– У тебя, кстати, тоже очажки поражения уже имеются.

– Да я... почти не курю!

– Ты с Надеждой Михайловной не спорь! – хохотнул санитар. – У нее глаз особый. Своего клиента за километр чувствует.

Но Тоша упрямо повторил:

– Не верю я. Это надо всю жизнь по три пачки в день смо-
лить, чтоб легкие такими стали.

Врачиха напомнила:

– Клиенту моему всего двадцать было.

– Да лажа. Не мог он за пять лет так скуриться! – упор-
ствовал подросток.

– Генетика у всех разная, – назидательно сказала доктор. –

И твоя, как мне кажется, подкачала.

Улыбнулась:

– Мне прямо самой интересно стало. Давай, Стасик. Сде-
лаем ему снимочек.

Страшный бритоголовый схватил подростка в охапку, по-
волоком, кинул на стоящий рядом ледяной стол. Ужас какой,
тут ведь тоже трупы лежали! Когда Антон попробовал вы-
рываться, ошутимо двинул в солнечное сплетение, велел:

– Лежи тихо.

С грохотом подкатил устройство – вроде как аппарат
рентгеновский. На грудь ему тяжелую, холодную пластину
поместил. Через пару секунд подал врачихе снимок.

Та поместила его на окошечко с подсветкой, сказала ра-
достно:

– Как я и думала. Вот очаги.

В руках указка. Тычет в отчетливые темные пятна:

– Не ошиблась я, Антон. Пусть и мало ты куришь, а нача-
ло уже положено. Иногда встречается предрасположенность

генетическая. Так что у тебя даже пяти лет нету – за год сторишь.

– Врете вы все!

Взглянула равнодушно:

– Да дело твое, не верь. Но мы с тобой скоро встретимся снова. Только ты будешь с биркой на ноге. И поспорить со мной уже не сможешь.

– А если... если я совсем курить не буду? Очаги исчезнут?

– Есть некоторые шансы. Но гарантии дать не могу.

Тут уж Тошка не выдержал, начал носом хлюпать. А Надежда Михайловна властно велела страшному санитару:

– Выведи отсюда этого слюнтяя. Надоел.

Мужик снова ему в плечо вцепился, поволок прочь.

Уже у двери подросток выкрикнул:

– Не дождетесь! Не умру я!

Он не видел, как «доктор» радостно улыбнулась и сама поспешно кинулась прочь от мертвого тела.

* * *

Дмитрий Полуянов пришел в журналистику в то время, когда любимая профессия была восхитительно свободной. Авторитетов не признавал, посягал на самые высокие сферы. Его расследования гремели на всю страну.

Когда начали закручивать гайки, долго надеялся: временно. Но в итоге оказался, как и все, перед выбором: или четко

следовать *генеральной линии*, или уходить из профессии.

Кое-что в генеральной линии он даже признавал. Когда страну родную свои же кляли на все лады, чувствовал себя неловко. Но становиться карманным журналистом и бездумно славословить без возможности критики тоже не хотел.

Коллеги считали: в ситуации нынешней выхода есть три. Выразить гражданскую позицию в соцсетях. Спиться. Или уехать.

Ни один из вариантов Диме не подходил. Тявкать перед узкой аудиторией – не его уровень.

Забываться в алкогольном угаре – совсем себя не ценить.

А бросать страну, которую считал родиной, еще больше не хотелось. Он много путешествовал и знал: кущи западные кажутся райскими, только когда ты при работе да при деньгах. Но если являешься беженцем, жизнь совсем другая. Газеты разносить (как получилось у знакомого продюсера, кто подался в Германию за лучшей долей) считается большой удачей. Но скорее придется улицы подметать или бетон месить в компании хмурых поляков. Да еще на каждом углу за родную страну извиняться, чтобы местные за своего признали.

«Хотя бы из профессии своей продажной уйди!» – подбивали фрондирующие друзья.

Но Дима придумал, как любимую «вторую древнейшую» не бросать.

Благо заслуги перед «Молодежными вестями» позволя-

ли – выбрал собственный путь. Политики, экономик, прочих злободневных тем не касался принципиально. Но каждый день выходил к читателям с рубрикой «Несерьезные новости».

Злопыхатели говорили: чистой воды эскапизм. Зато поклонники его колонку обожали.

Хорошо, когда не состоишь в президентском пуле, не обязан посещать скучнейшие пресс-конференции и наступать на горло собственной песне. Дима описывал суперлуние. Вычислял «Индекс шаурмы». Брал интервью у блондинки на «Мазератти», сокрушившей на своем транспорте четыре дерева. Или вон сегодня: на Московскую кольцевую (шесть полос!) явился баран. Мэрия и ГАИ новость прокомментировать не могут, а Дима целое мини-расследование провел. Сообщил читателям: беднягу везли на убой – на носу Курбан-байрам. Но животное смогло развязать путы и выпрыгнуть из грузовика. Сейчас с бараном все хорошо: его приютили зоозащитники.

Закончил заметку и подумал с грустным юмором: «Дальше падать уже некуда. Скоро начну про котиков писать».

Даже Надюха (вроде бы самая его целевая аудитория) не уставала посмеиваться над текстами про енотов, застрявших в дымоходе, или о наглых белках, что вырывали у посетителей парка орехи.

Да и главнюга – пусть Димин нейтралитет уважал – постоянно пытался подбить на расследование, на *тему*:

– Не обязательно ведь в политику лезть! Кто тебе мешает новый бриллиант красный¹ отыскать?!

Но если расследование – это всегда кому-то неудобно.

Полуянов недавно рассказывал, как в ресторан (с мишленовской рекомендацией!) наведалься спецназ, уложил посетителей лицами в пол. Решил, по старой памяти, копнуть глубже. Вышел в итоге на заказчика рейдерского захвата – чиновника из столичной мэрии. И тот же главнюга мигом засуетился:

– Нет, Дима, дальше не лезь. У этого ресторана много нарушений. Его абсолютно справедливо закрыли.

Спорить Полуянов не стал. Пусть будет только свой маленький мирок. Собственное тихое счастье.

В прежние вольные времена Надюшка, подруга сердечная, пресноватой казалась. А сейчас начал ценить ее преданность. Предсказуемость. Надежность.

Однако в последнее время стал примечать: что-то темнит его девочка. То врет, что в спортивном клубе (хотя явно там не была). Или с работы отпрашивается – и ему не рассказывает, куда ходила. На телефон вдруг пароль поставила – оправдалась, что за мобильный банк боится.

Мысли, что подруга налево ходит, Полуянов даже не допускал. А вот куда-то влипнуть могла. Женщины по сути своей слабы и любопытны. Обнаружил ведь – спустя немало лет после знакомства, – что его скромняжка-милашка

¹ См. об этом: А. и С. Литвиновы. «Отпуск на тот свет».

в юные годы хорошо зажигала². Но чем, интересно, Надька может увлечься *сейчас*?

Однако Диме казалось неправильным копать под гражданскую супругу. Поэтому терпеливо ждал. Тем более казалось ему по каким-то витающим в воздухе признакам, Надюшка тяготится своей тайной. И сама ему проболтается. Причем очень скоро.

* * *

Факт, что в историко-архивной библиотеке имеется привидение, признавали все, даже директор. Как иначе, если старинный особняк и в нем древние рукописи – самая ранняя аж одиннадцатого века?

Лично Надя духа-охранителя ни разу не видела. Но другим являлся – всем в разном обличии. Седобородым старцем, бледным юношей или вообще котом с пронзительным взглядом. Так что вечером, когда читатели расходились, Митрофанова всегда немного настороже. Нрав у привидения, говорили, непредсказуемый. Мог в плечо толкнуть, телефон из рук выбить.

В восемь тридцать – через полчаса после закрытия – Надя заперла зал и двинулась было к выходу. Но когда ступила на мраморную парадную лестницу (любила цокать по ней

² См. об этом: А. и С. Литвиновы. «Одноклассники smerti».

каблучками и представлять себя королевой), вдруг откуда-то сверху холодом повеяло. Прямо совсем ледяным. Очень странно. Как раз сегодня радовались с девчонками, что наконец-то деревянные, древние окна поменяли на стеклопакеты, ниоткуда не дует. Форточка, что ли, где-то распахнута? Но охранники в восемь обход делают, должны были проверить.

Сказать при выходе, чтобы еще раз посмотрели? У них и паркет старинный, и лепнина, и книги – температура ниже шестнадцати опускаться никак не может.

А холодом – Надя поежилась – тянет конкретно. Да еще – или кажется? – странные звуки добавились. То ли всхлип, то ли стон. Народу на ее втором этаже никого. Начальница отбыла в шесть, читателей Митрофанова разогнала без пятнадцати восемь. Пусто, гулко, страшновато. Но все-таки решила посмотреть сама. В конце концов, сколько уже лет в библиотеке – и еще ни разу с привидением не встречалась.

Вдруг показалось: осторожные шаги. За спиной. Остановилась. Крикнула неуверенно: «Есть кто-то здесь?» Тишина. Показалось, наверно.

Снова двинулась вверх по лестнице.

На третьем этаже два читальных зала, директорский кабинет, бухгалтерия. Свет приглушен: начальство допоздна сроду не сидит. Надя – зачем-то на цыпочках – взлетела вверх. Холодней с каждым шагом. Если это окно, то распахнуто настежь. И всхлипы все отчетливее.

Митрофанова замедлила шаг. Как раз сегодня из фондов вывели очередную порцию *некондиции* – книги с плесенью, вырванными страницами или совсем не востребуемые. Логично вроде без сантиментов отправить на свалку, но старшее поколение вздыхало: жаль. Иные тома – тот же Ленин – многие десятки лет в историчке прожили. Может, привидение их оплакивает и сейчас врежет ей? За то, что в ящики складывала никому больше не нужных писателей из соцлагеря и пособия по философии марксизма?

«Фу, Митрофанова, что за дичь тебе в голову лезет?» – оборвала себя. И решительно двинулась на всхлипы.

Божечки мои! Огромное окно в холле между читальными залами распахнуто настежь. А на подоконнике – к ней спиной, ногами наружу – сидит женщина. В кофточке, хотя на дворе холодина: бабьего лета в этом году не получилось. Третий высокий этаж старинного здания. Высота – метров пятнадцать минимум.

Свет тусклый, только дежурные лампочки.

– Эй, – вскрикнула Надя, – ты что там делаешь?

Девушка вздрогнула. Обернулась резко. Выкрикнула:

– Не подходи ко мне!

Сумрак и дождь размыли очертания, но Митрофанова ее узнала. Юлия. Постоянная посетительница зала всемирной истории и почти что приятельница. Но как она оказалась здесь? Вроде бы отправилась вниз вместе с другими читателями, когда зал закрывался, Надя сама видела.

...В чередѣ ветреных аспиранток и полусумасшедших ученых Юлиа Ласточкина резко выделялась. Читатели в научном зале часто выглядят странно: у молодых ученых дам синие волосы, пирсинг, у пожилых джентльменов толстовские бороды в крошках. Юля в их ряду белая ворона: юбка, каблук в пять сантиметров, волосы всегда аккуратно собраны. А под скромными одежками – безупречных пропорций фигура. Если измерить параметры, несомненно, получатся пресловутые девяносто-шестьдесят-девяносто (талия даже меньше). Плюс лицо фарфоровое, черты точеные, волосы золотистые, губы соблазнительно пухлые. Студенты застывали соляными столпами. Пожилые гении посвящали стихи. Юля принимала поклонение с достоинством и милой улыбкой, но даже до минимального кокетства не снисходила. «Извините, я сегодня занята», – и весь разговор. Особо настойчивым и наглым объявляла прямо:

– Вы мне не интересны.

Где-нибудь в трущобах новых микрорайонов за такое можно и в глаз получить, но интеллигентные посетители библиотеки терялись и отступали.

Надя красотку, несчастливую в личной жизни, жалела. Почти что по-матерински. Тем более что и Юлечка к ней тянулась. Если никого у стойки, всегда болтали. Чай вместе пили несколько раз.

Надя пыталась тактично вразумить, что так можно и пробросаться. Подлецы в библиотеку априори не ходят. Из чи-

тателей историко-архивной уже девять пар в ЗАГСе побывали – и все живут счастливо.

Юлия лишь виновато разводила руками:

– Никто не нравится. А пустых отношений я не люблю.

И вообще мне с людьми тяжело.

Надя себя даже слегка виноватой чувствовала. Сама – при мужчине (да каком!). А Юля – ангел! – одинока.

Ведь реально вообще без изъянов девушка.

Волосы всегда шелк, лицо без единого пигментного пятнышка.

– Ты к косметологу ходишь? – выпытывала Надя.

– Нет, – в смущении улыбалась Юлия. – Просто генетика хорошая. И образ жизни правильный.

Красавица ни единого вечера в жизни не провела в алкогольном угаре или табачном дыму. Ошибок молодости вроде перепоя на вечеринке совершать даже не пыталась. Работала дома: переводила с романских языков. Для души – книги, для насущного хлеба – скучные деловые тексты. А в качестве хобби вела в социальных сетях канал по истории психологии, ради него и торчала в библиотеке.

Надя и начальница зала Всемирной истории любили иногда пообсуждать посетителей. Однажды даже заключили на Юлю пари. Умудренная жизнью руководительница утверждала: останется бедняга в старых девах, несмотря на всю свою внешнюю привлекательность.

– Мужуку дьявольщина нужна. Огонь адский в глазах.

А она безжизненная совсем.

Митрофанова же считала, что это вопрос времени. Просто не встретила еще мисс Совершенство своего принца.

И в итоге оказалась права.

Пару месяцев назад в зал всемирной истории явился красавец. Чуть за тридцать, курчавый, мужественный. Царственная посадка головы и выворотные стопы выдавали балетного. В отличие от сдержанной Юлии, сразу всех обаял. Смущенной его великолепием Наде объявил: академия балета (где он помощник ректора) восстанавливает к выпускному вечеру балет на музыку Сергея Прокофьева «Классическая симфония». Ему нужен максимум информации по последней постановке Юрия Посохова в 2010 году для театра в Сан-Франциско.

Не совсем их профиль, но все, что имелось в Ленинке, великолепный мужчина по имени Феликс уже изучил.

Юлия (обычно, если уж получила свои книги, сидит словно мышка) подошла к библиотечной стойке ровно в тот момент, когда помощник ректора с истинно театральной экспрессией уверял Надю: теперь именно в ее руках будущее российского балета.

– Прошу вас, подберите все, что возможно, по моей теме! Сколько можно терзать публику бесконечным «Маршем суворовцев» или гран-па из «Пахиты», когда...

Оборвал речь на полуслове. Уставился на Юлию. Замер. Та мило улыбнулась:

– Вы ведь Феликс Шарыпов? Я видела вас в «Корсаре».

– А вы, вероятно, Одиллия, – парировал красавец. – Только откуда? Из Ковент-Гардена? Метрополитен-опера?

Надя внутренне усмехнулась: у нее, несомненно, появился шанс выиграть пари.

В воздухе сразу заискрило. Молния, финский нож, как горевал классик. Всегда спокойное, фарфорово-бледное лицо Юли покрылось румянцем. Феликс уверенно взял ее ладонь. Прижал к губам. Она противиться даже не попыталась.

Но своего телефона не дала.

Феликса отказ только раззадорил. Мгновенно забыл про «Классическую симфонию». Умчался. Через час явился снова – с охапкой лилий.

Вручил букет. Уверенно предложил:

– По бокалу шампанского?

– Спасибо. Я не пью.

– Тогда кофе? Здесь есть рядом очень милое заведение.

– Нет-нет. Не сегодня.

Он посмотрел озадаченно.

Надя сочла своим долгом вмешаться:

– «Не сегодня» – это для Юли огромный прогресс. Обычно она просто всех посылает.

– Тогда я обнадежен, – широко улыбнулся Феликс.

Первое свидание у пары так и прошло – за библиотечным столом. Посередине букет из лилий (вазу пожертвовала Надя). Юля с книгой. А Феликс даже не притворяется, что чи-

тает, – откровенно глазеет.

Теперь помощник ректора ежедневно являлся в историко-архивную. Приносил цветы. Пирожные (обычно доставались Наде). Строгие краски Юлиного лица с каждым днем становились ярче. Дикарка училась кокетничать и слать манящие улыбки. Великолепный Феликс больше не пытался обаять весь мир и сосредоточился исключительно на своей богине.

Даже известная вздорным нравом начальница зала признавала:

– Обычно чужому счастью завидуешь, а на них смотришь, и душа радуется.

Феликс не смог вовлечь Юлию в любимый им вихрь светской жизни. Иногда сподвигал разве что на кофейню или поход в театр. В основном рядышком в читальном зале сидели. Она делала вид, что вся в своих книгах, но украдкой поглядывала. А он откровенно глаз не сводил.

Любая бы современная пара дождалась максимум третьего дринка – и в койку, благо оба семьями не обременены. Но Юлия честно призналась Наде:

– Ты не думай, я не настолько несовременная, чтобы только в брачную ночь... Но мне очень страшно... что потом просто все кончится.

Митрофанова тоже опасалась: вертопрах (как называла его начальница) получит свое и бросит бедняжку.

Явно же: и молодые балеринки, и зрелые гранд-дамы

в очереди к нему стоят. А покорить неприступную Юлю – что-то новое. Челлендж.

Добавит в коллекцию и убежит новых приключений искать? Или все-таки тут любовь?

Когда Юлия наконец уступила, Митрофанова поняла сразу. По довольной, сытой улыбке балеруна. По ее теперь постоянно взволнованному лицу. Юля потеряла единственный, как она считала, рычаг влияния и теперь боялась. Откровенно боялась.

Как можно изучать психологию и настолько не уметь строить собственную личную жизнь?

– Цену себе набивай. С другими кокетничай. Держи его в тонусе! – советовала Митрофанова.

Но влюбленная только глазами хлопала:

– Мне никто, кроме него, не нужен. А притворяться я не могу.

Поначалу идиллия длилась. Феликс давно закончил свои научные изыскания, но в историко-архивную библиотеку продолжал наведываться. Иногда просто Юлию у входа встречал, но часто поднимался в зал. Садился рядом. Вроде как просматривал театральные журналы, а сам то и дело поглядывал на мисс Совершенство.

Но последние несколько дней блестящий повеса в окрестностях историко-архивной не появлялся. А сегодня несчастная в одной легкой кофте на подоконнике. Рыдает. И явно готова спрыгнуть в промозглую осеннюю черноту.

– Юлька, – тихо велела Надя. – А ну быстро обратно!

Та и не подумала. Даже головы не повернула.

Блин. Подоконник скользкий.

А когда Митрофанова подошла поближе, хрипло каркнула:

– Отойди, я сказала!

Надя психологию не учила, но и без того понятно: потенциальная самоубийца. Надо, наверно, сказать, что все будет хорошо?

Но вместо правильных слов ляпнула:

– Если грохнешься, меня уволят.

А Юлька проклятая даже руками за подоконник не держится.

Надя повысила голос:

– Свински себя ведешь. Зачем других-то подставлять? Хочешь сдохнуть – иди домой, там и прыгай!

Красавица обернула к ней зареванное лицо. Простонала:

– На-а-а! Феликс меня бросил!

– Так и сказал, что уходит?

– Нет! Просто исчез – и все!

– Так, может, что-то случилось с ним?

– Говорю тебе, бросил! Я знаю, я его видела! С другой!

– Где?

– В Главном театре. В ложе администрации. Они рядом сидели.

– И только-то?

– Да там все понятно! Он ее лапал, а она только рада! Променил меня! На эту фальшивую куклу!

– А как ты вообще узнала, что он в театре?

Всхлипнула:

– Я их отследила. У подъезда его стояла... с самого утра. А в пять вечера они оттуда уже вдвоем вышли. Значит, эта тварь у него всю ночь была!

– И что дальше?

– Они сели в машину. А я такси поймала. Ехала следом – до Главного театра. Они через служебный вход вошли, я билет с рук купила. Ну и увидела, как обнимаются – в ложе, у всех на глазах. Мне больше нет смысла жить!

– Господи, какая ты дура!

– Она красивая, богатая, раскованная! Я в сравнении с ней полный ноль!

– Никого красивее тебя в Москве нет, – твердо сказала Надя. И попросила: – Влезь, пожалуйста, обратно. Я не могу разговаривать, когда ты ко мне спиной.

– Да не о чем говорить, – отозвалась та безнадежно. – И жить мне незачем.

– Я могу тебе помочь, – решительно произнесла Митрофанова.

– Как? – спросила без надежды.

– Могу. Слезь с подоконника и выслушай.

Молчит.

Митрофанова рывкнула:

– Слезь, я сказала! Полчаса ничего не решат. Поговорим, а потом вали отсюда и делай, что хочешь. Хоть прыгай, хоть яд пей. Яд, кстати, эффективнее. А если с высоты – хоронить в закрытом гробу будут.

Задело – Юля сразу вцепилась руками в подоконник. А потом – счастье! – аккуратно, медленно обернулась и спрыгнула на пол.

Надя захлопнула окно. Юлия опустилась на паркет, закрыла лицо руками. Прошептала:

– Надь... да все равно бесполезно. Ты знаешь, кто она? Это Ангелина Асташина. Как мне с ней тягаться?

Ого. У Феликса губа не дура. Митрофанова светской хроникой не интересовалась, но про Асташину слышала. Одна из самых богатых женщин Москвы (покойный муж оставил огромное состояние). Яркая телеведущая – ведет популярное шоу «Три шага до миллиона». Тусовщица. Ну и красотка, конечно.

Надя представила рядом ее и Феликса. Наверняка смотрятся гармонично. Да и балеруны – известные халявщики. Дама-спонсор – очень по-театральному.

Но настолько жаль Юлю – и ее красивую сказку!

– Юлечка, – попросила Митрофанова. – Ты можешь потерпеть? Хотя бы неделю? Я попробую вернуть его.

– Да что ты можешь?

– Пока не знаю. Но возможности есть, поверь.

– Надя, – грустно сказала девушка, – но ты ведь всего

лишь библиотекарь.

– У человека много граней, – усмехнулась Митрофанова. – И не обо всех принято кричать на каждом углу.

– Да кто ты такая?

– Я тебя прошу просто подождать. Готового рецепта пока нет. Но за любовь – такую, как у тебя, – надо бороться. А ты, я гляжу, только на глупости способна. Значит, придется мне.

Юлины глаза округлились:

– Ты же... ее не убьешь?

Надя улыbnулась:

– Нет, конечно. Но я попробую сделать так, чтобы Феликс вернулся к тебе.

Никогда она еще не обращалась в «Кайрос» с *личной просьбой*. Но ради Юльки можно. Когда просишь не для себя, устав разрешает. Надо только придумать формулировку.

* * *

Постят котиков и рыдают над жалостливыми историями про животных одни меланхоличные дурочки, поэтому Марьяна своих питомцев в социальных сетях никогда не выкладывала. И никому не рассказывала, что Куксик с ней на одной подушке спит. А к своему второму коту, Ричи, она посреди ночи встает. Тот нежностей не любил, мерз в одиночестве на лежанке, и Марьяна, когда в квартире холодно, укрывала его старой кофтой.

Мужья у нее были (и тоже двое). Оба неудачные и, по счастью, уже в прошлом. Марьяна теперь была твердо убеждена: сосуществовать с усатыми-полосатыми куда комфортнее. Коты вообще делают человека мудрее и добрее. Раньше она, как все амбициозные москвичи, бесконечно гналась, чтоб все больше дел и ачивок³. А благодаря Ричи с Куксом дзен снизошел. Поняла: жизнь одна, мода непостоянна и всех денег все равно не заработаешь. Жила Марьяна, если не считать питомцев, одна. Имелся мужчина, который нравился, но к себе приближать боялась. Тем более он формально считался ее начальником.

В возрасте наглых подростковых мечтаний девушка была уверена: она станет владелицей сети отелей. Но жизнь постепенно заставляла снижать планку. Ладно, не хозяйкой – хотя бы управлять. Окей, не сетью – одной хорошей гостиницей с большим номерным фондом.

Марьяна окончила факультет гостиничного бизнеса. Работала, для опыта, и горничной, и на ресепшен. Менеджером в хостеле. Управляющей в «трешке». Директором в семейном отеле. Пиком карьеры стал дом отдыха. Поначалу все шло шикарно. А потом объявили пандемию. Туристов ноль, коммуналку платить надо, зарплату тоже, да еще и ремонт она затеяла. Разумеется, детище прогорело. Но в крахе бизнеса обвинили не коронавирус, а молодую управляющую Марьяну.

³ От английского achievement – «достижение». Молодежный сленг.

С тех пор амбиций поубавилось еще радикальнее. На фиг преобразовывать мир – достаточно нормальной зарплаты.

Нынешнюю должность – если бы кто узнал – назвали бы *неэтичной*. Это как минимум. Но Марьяна о морали старалась думать с точки зрения бизнеса. Раз клиенты есть – значит, востребовано. И лично она зла никому не причиняет. Но все равно работы своей стыдилась. И чтобы задобрить высшие силы, решила, для равновесия, совершать добрые дела.

Переводить деньги в ответ на непроверенные просьбы о помощи, все знают, глупо. Поэтому она вступила в сообщество волонтеров-автомобилистов.

Но с благотворительным поприщем не задалось. Когда рядом старики, инвалиды, детки больные – испытывала Марьяна странную неловкость. О чем с ними говорить? Как общаться? Получалось то слишком жизнерадостно, то с сочувствием неуместным.

Не понять здоровым больных, и ничего тут не поделаешь.

В итоге Марьяна из сообщества помощников с автомобилями вышла и принялась себя точить за никчемность со слабоволием. Но однажды пила кофе со знакомым волонтером, и тот рассказал ей про «Кайрос».

– Вот где круто! Снимаю шляпу перед тем, кто придумал.

Марьяна заинтересовалась. Заглянула на сайт. Ну ничего себе! Обычные люди – не инвалиды и не больные, а такие, как она, – только в реально сложных ситуациях. Многие –

на пороге отчаяния, даже самоубийства. И в ее руках, красиво говоря, судьба человеческая. Это вам не просто болеющего перевезти из точки А в точку Б.

Записалась на собеседование. Получила статус новичка. И начала выбирать, чья история зацепит и кому она реально сможет помочь.

Первым ее делом оказалась девятиклассница по имени Ленка. «Уже два раза завалила литературу. Не получится сдать в третий, покончу с собой», – обещала на сайте «Кайроса» девушка. Желающих броситься на помощь особо не находилось, но Марьяна вспомнила, как сама в старших классах рыдала над химией. А мама обидно хохотала: «Ты просто глупая».

Спасти доведенную до отчаяния шестнадцатилетку оказалось не слишком сложно. Встретились, поговорили – про жизнь, про «Капитанскую дочку». Марьяна школьную программу помнила неплохо. Плюс умела рассказывать кратко – и на конфликт, и на противостояние добра-зла одного вечера хватило. Сразу подсунула Ленке соответствующий раздел ОГЭ, и та за Гринева с Пугачевым выбила максимальный балл. Спросила робко:

– Значит, я не такая уж идиотка?

– Училка у тебя идиотка, – заверила Марьяна.

И понеслось: каждый вечер общались лично, онлайн; подопечная старалась изо всех сил, а на осенней пересдаче взбаламутила весь райотдел образования. Сроду еще не случалось

лось, чтобы после двух двоек кто-то с третьей попытки на пятерку сдавал.

А Марьяне (помимо морального удовлетворения) от первого ее дела вышел приятный бонус. Школьница оказалась сумасшедшей кошатницей. Теперь, когда в отпуск, никаких проблем, с кем Кукса и Ричи оставить. И вообще подружиться. Ленка к ней сбегала, если с родителями ссорилась.

Кодекс «Кайроса» настрого запрещал брать за добрые дела деньги, но дружить с теми, кого выручил из беды, вроде бы позволялось.

Марьяне вообще нравилось, как здесь все устроено. Например, шеф категорически настаивал: добрые дела надо делать, только когда у самой все хорошо. Если некоторые пытаются забыться в благотворительности после гибели, допустим, близкого человека, – это совсем неправильно.

Так что Марьяна даже не открывала сайт, если много работы, или нездоровится, или нет настроения. Но в понедельник, единственный выходной день, когда нежилась на диване с котами, всегда смотрела, что новенького.

В общем разделе Марьяне не очень нравилось. Слишком много в последнее время появилось халявщиков, и просьбы через одну словно под копирку: «Набрала сдуру микрозаймов, помогите закрыть».

Куда интереснее закрытая ветка для своих. Не анониму помогаешь, а такому же, как ты, члену сообщества. Точнее, тому, за кого соратник лично ручается. Уж точно не нале-

тишь на приколиста какого-нибудь.

Марьяна погладила Кукса – так и продолжал дрыхнуть на ее подушке – и открыла страничку. Ух ты! Сама Надя М. (статус «мастер») что-то просит: *«Друзья! Очень нужен подход к телеведущей Ангелине Асташиной».*

Марьяна хмыкнула. Асташину она знала прекрасно. Интересно, зачем мадам понадобилась Наде? Кому-то из ее протеже пуще смерти хочется в шоу «Три шага до миллиона» попасть?

Перешла в личные сообщения. Отпечатала: *«Привет! Подход есть. Что конкретно нужно?»*

Но вместо просьбы пришло неожиданное: *«Ангелина – хороший человек?»*

Злословить и оценки давать Марьяна – в силу своей должности – давно остерегалась. Но тут, среди своих, можно. Поэтому без особых раздумий ответила правду: *«Нет. Она злобная, подлая, беспринципная сука».*

И ответ последовал мгновенно: *«Это прекрасно!!!»*

* * *

Полуянов

Сегодня после работы Надя явилась с огромным букетом. Дизайнерский изыск из белых тюльпанов, гербер, роз и какой-то осоки. Дима цены на цветы знал и сразу понял, что тянет тысяч на десять.

Поинтересовался небрежно:

– Откуда дровишки?

Митрофанова улыбнулась:

– Тут есть карточка. Посмотри сам.

Дима с выражением зачитал:

– Надя, спасибо вам! Вы спасли моего сына! Ничего себе!

В каком это смысле спасла?

Надя гордо отозвалась:

– Мальчик мог умереть, если бы не я. По крайней мере, мама его так считает.

– Подожди. Я включу диктофон.

– Зачем?

– Интервью у тебя возьму. Для моей рубрики.

– Нет, нет, – испугалась. – Даже не вздумай. Нам лишнее внимание не нужно. И так не справляемся.

– Нам? Это кому?!

– Дим... ты что-нибудь слышал про «Кайрос»?

– Да. Это младший сын Зевса.

– А еще, – загадочно улыбнулась, – бог счастливого мгновения. Так вот, я работаю на него.

– Надька! Да куда ты впуталась? В масоны, что ли?

Она вздохнула:

– Ох, Димочка. Ты ведь сам в нынешних временах тоже не знаешь, куда деться. Сколько народу спилось, уехало. Ну и я как все. Лицо вроде держу, но давно искала, куда спрятаться. Вот и нашла. Почти полгода назад. А ты даже не за-

мечал ничего. Я все ждала, когда сам спросишь.

– А я ждал, пока *ты* – расскажешь.

– Я бы рассказала, но у нас устав. Никому ни слова. Шеф только сегодня разрешил. Так что признаюсь. Посмотри наш сайт. Для начала.

И назвала интернет-адрес.

«Кайрос».

Помощь обычным людям, попавшим в беду. Безвозмездная.

Идея показалась Диме интересной.

– И как я могу помочь?

– Как придумаешь. Любые варианты, только без криминала. Но доступ к контактам получишь после того, как шеф твою кандидатуру одобрит.

Дима без колебаний согласился вступить в «секретную структуру». Под псевдонимом, оказалось, нельзя. Для регистрации – словно для госуслуг или букмекерской конторы – потребовалось сделать собственную фотографию с паспортом в руках.

«Ну и плюс моя рекомендация», – важно сказала Надя.

Проверка, похоже, действительно имела место: пароль для доступа к координатам просителей ему прислали лишь на следующий день.

– Ты пока на начальном уровне, – объяснила Митрофанова. – Можешь выбирать только из обычных заказчиков. Это те, кто пишет на сайт свои просьбы. Но имей в виду: среди

них много халявщиков. А есть и просто мошенники. Так что, прежде чем браться, как следует проверяй.

– А ты на каком уровне?

– Я мастер.

– И чем мы отличаемся?

– Не имею право разглашать. Работайте, товарищ Полуянов. Три положительных отзыва – и у вас появится шанс повысить свой статус.

Что за детский сад!

«Кайрос» – на взгляд Димы – звучало слишком напыщенно. Для себя он окрестил сообщество «тимуровцами». Но мысль, что может спасти чью-то жизнь или просто сделать человека счастливым, приятно грела.

– Выбирай историю, которая реально зацепит, – посоветовала Надя.

Полуянов открыл список просьб.

Мне 26 лет, в разводе. В этом году ребенок идет в первый класс. Недавно я узнала, что снова беременна. Мой молодой человек сначала был рад, но в итоге стал уговаривать меня на аборт. А когда я отказалась, он нас бросил. В голову лезут ужасные мысли о суициде, я понимаю, что это неправильно и что не выход, но нечего поделать с собой не могу. Как мне жить одной с двумя детьми вообще без всякой помощи?

Что он может здесь сделать? Пролистнул.

Новая история.

Влюбилась по самые уши (((((Я не ожидала встретить на своем пути такого человека. Именно о нем я мечтала едва ли не с детства. Начались долгие бессонные ночи, задушевные разговоры, выяснилось, что совпадают вкусы, интересы; мы как будто были знакомы всю жизнь и читали мысли друг друга. Но как только я намекаю, что готова к серьезным отношениям, он сразу переводит разговор на другое. Или говорит, что нужно наслаждаться моментом и чтобы я не грузила его всякой скучнятиной насчет семьи. Как мне заставить его жениться? Я уже на пороге отчаяния!

Здесь тоже ничем помочь он не сможет.

А вот следующий запрос заинтересовал. Жизнь спасти не просили. Но *качество бытия* девушке можно реально повысить. Да еще – очень удачно – у клиентки грядет день рождения (та в который уже раз проведет его исключительно в компании подруг).

Сразу и схема сложилась, как все разыграть можно.

– Надюшка! – крикнул он. – Выделишь мне из бюджета тысяч пять на дорогой массажный салон? Это для «Кайроса» твоего.

Она усмехнулась:

– Ты в своем репертуаре, гедонист Полуянов.

* * *

Первое дело Димы

Как подруга только могла? Леся ведь четко сказала: ей нужен новый кошелечек. Но вместо этого на день рождения она получила конверт с вензелями. И в нем – сертификат на релакс-массаж. Вот что за глупый способ потратить деньги? Леся посмотрела в интернете: салон из крутых. Пять тысяч сеанс! Это ж сколько массажист в день зарабатывает?

Но подруга Машка только хитро улыбалась. И уверяла: «Ты не пожалеешь».

* * *

Леся одна из всего их класса замуж не сходила ни разу. Хотя на лицо милая. Стройная. Хозяйственная. Но ржать и прикалываться могла только с подругами. А едва на горизонте появлялся парень, сразу деревенела. Молчит, лицо каменное. Подруга Маша знала: причина из детства. Отца Леся не знала, а мама с детства внушала: от мужиков одно зло. Вот и вырастила царевну Несмеяну. Сколько ни подпайвай, расслабиться не могла никак.

Сама Машка замужем уже побывала. И очень хотела Лесю тоже туда вытолкнуть. Знакомила с коллегами, таскала с со-

бой в тренажерку, где в основном мужчины. Но подруга дичилась. Молчала. Постоянно норовила удрать. И Маша почти отчаялась.

Но в канун Лесинового тридцатилетия узнала про сайт «Кайрос» и кинула туда свою просьбу.

* * *

Салон релакс-массажа выглядел роскошно. Пальмы, паркет, рыбки в аквариумах, томная музыка фоном. Леся прежде не бывала в подобных местах и дико смущалась. Втягивала голову в плечи, пока администратор чирикала:

– Раздевайтесь полностью. Вот шапочка для волос, одноразовые стринги. Ложитесь на кушеточку. Приятного вам отдыха!

В воздухе аромат благовоний, под потолком мерцает шар блестящий.

Леся, когда раздевалась, прикрывала грудь руками, хотя в комнате и никого. Нашла в уголке стопку полотенец, взяла одно, прикрылась. А когда в комнату вошел красавец-массажист – и вовсе натянула покров до подбородка.

Мужчина сделал вид, что не заметил ее смущения. Подложил под голову дополнительную подушечку, ласково попросил:

– Можете, пожалуйста, не сжимать так зубы. Я вас не обижу.

Зашел сзади, начал осторожно массировать шею. Велел:
– Смотрите в потолок. На шар. Ваши руки расслабляются... пальцы наливаются приятной тяжестью... Вам хорошо, приятно... Тепло поднимается выше.

Блестящий шар под потолком медленно вращался, искрил.

– Тепло вас обволакивает... вы уже не чувствуете свое тело... Смотрите только на шар.

Горячие, чуткие пальцы разминают затылок, нежно касаются подбородка.

Леся изо всех сил сопротивлялась забытию, но сама не заметила, как улетела. И не отреагировала, когда голос мужчины из мягкого, вкрадчивого обратился в твердый:

– Ты полностью принимаешь все мои установки. Ты самая красивая. Самая лучшая. Ты всегда будешь уверена в себе. Ты знаешь, что у тебя все всегда получается...

* * *

Когда Леся открыла глаза, в комнате царил полумрак. Полотенце, которым она прикрывалась, упало, обнажило грудь. Она потянулась поднимать – но отбросила руку. Чего стыдиться? Зеркало напротив кушетки подсказывало: не кривая, не косая. Да и все равно никто не смотрит. Симпатичный массажист уже ушел. И очень жаль. Надо было хотя бы спросить, как его зовут. А может, и телефончик свой дать.

Выражаю огромную благодарность Дмитрию П. Мою подругу после массажа словно подменили! Кокетничать еще не очень умеет, но активно учится. Вчера предложила вместе сходить в автосалон. Я спрашиваю: «Зачем?» А она так серьезно: «Там много мужчин достойных. Холостых и материально обеспеченных». Реально обалдеть! Леська впервые в жизни про пикап задумалась! Жутко интересно, как получилось такого эффекта добиться? Подруга говорит, что во время массажа уснула. А когда проснулась, вдруг увидела себя в зеркале и поняла: да она ж красавица. И массажист был красавчик. Леська прямо думает: вдруг он с ней сеанс какого-то тантрического секса провел?!»

Надя оторвалась от экрана компьютера, строго взглянула на Диму:

– Полюянов! Это что значит?! Там правда был секс?

Журналист расхохотался:

– Обижаешь. Я тебе верен.

– Но массажист – это был ты? – побагровела.

– Я бы не отказался, – подмигнул. – Девчонка реально симпатная. Но не переживай. Я только организовывал процесс. А массажистом выступал знаменитый гипнотизер Алексей Ерин. Я у него когда-то интервью брал, и он согласился помочь. Безвозмездно.

– У них реально был тантрический секс?! – в голосе Нади сквозила несомненная заинтересованность.

– Нет, нет, успокойся. Только сильный гипноз на уверенность в себе. Хорошо бы, конечно, несколько сеансов, так что пусть подруга ей еще когда-нибудь сертификат подарит. Уже за свои деньги. А я снова Алексея приглашу.

– Да, Димочка, ты забавник! Думаю, шеф поставит тебе *зачет*. Но в следующий раз давай уж что-нибудь посерьезнее.

* * *

Второе дело Димы

Этот крик о помощи сразу его зацепил. И не только его. Письмо – в самом верху. Значит, многие обращают внимание.

Полуянов пару лет назад писал о проблеме домашнего насилия⁴. И эта тема реально его задевала. Особенно когда руку смели поднимать на ребенка.

Читатели сайта (у них имелась возможность оставлять комментарии к историям) тоже проявляли единодушие. Наперебой советовали герою:

– Иди в опеку! Вызывай полицию!

Но мальчик за подсказки не благодарил, и Дима прекрас-

⁴ См. об этом: А. и С. Литвиновы. «#останься дома и стреляй!»

но понимал почему.

*Отец меня бьет. Он занимался рукопашным боем и си-
дел, так что бить умеет. Я сам, конечно, виноват. Я плохо
учусь. Меня раздражает, что предки как сумасшедшие но-
сятя с младшим братом, ему все покупают дорогих брен-
дов, а мне б/у или паль. Я троллю брата, и отца это тоже
бесит. Карманные деньги мне вообще не дают, и чтобы сле-
гонца заработать, я в школе ашкьюдишки⁵ толкаю или си-
гареты поштучно. Отца по этому поводу вызывал дирек-
тор, и я потом три дня не мог даже встать – предки поку-
пали справку, что у меня ОРВИ. Я несколько раз думал убе-
жать из дома, но куда я пойду? Отец все равно найдет и вер-
нет. И еще я очень люблю хоккей, а это дорогой спорт, если
ты не в сборной. Отец оплачивает все мои тренировки. И ес-
ли я пожалуюсь, он отправит меня в интернат, где не бу-
дет никакого хоккея, поэтому я должен терпеть, потому
что хочу стать спортсменом и зарабатывать сам таким
образом. Я больше ничего все равно не умею. Ни в какой ин-
ститут даже платно не поступлю. Но я очень устал по-
стоянно бояться. Как убедить отца, чтобы он меня больше
не трогал?*

Дима сразу понял: тривиальный путь – обращаться в со-
циальные службы – здесь не подходит. Ведь когда на дом яв-
ляется комиссия, смотрят первым делом на условия. Имеет-
ся ли еда. Есть ли у ребенка место, где уроки учить. С этим

⁵ Разновидность электронной сигареты.

у парня явно все в порядке. Жаловаться на отца мальчик тоже не станет. Синяки спишет на хоккей: спорт травматичный. И уйдут помогатели ни с чем. А сразу, как дверь за ними закроется, сыну еще больше влетит.

Но Саше (так звали автора крика о помощи) Полуянов все-таки написал.

* * *

Надя

На следующий день Юля в библиотеке не появилась, и Надя сразу начала волноваться. До обеда пыталась себя убедить: да мало ли почему не пришла? Может, в работе пытается забыть. Или плачет в подушку. А то и впервые в жизни напилась, чтоб унять душевную боль. Но воображение постоянно рисовало страшные картины. Юля у распахнутого окна на подоконнике (интересно, на каком этаже она живет?). В теплой ванне с бритвой в руке. Или высыпает в ладонь горсть таблеток.

К обеду нервы не выдержали. Посмотрела в читательской карточке телефон, вышла из зала в коридор, набрала номер. Пять длинных гудков, семь, десять. Сердце упало. Нельзя было ее вчера отпускать. Уговорами, силой привести к себе, оставить ночевать – Димка бы понял.

Автоответчик не включался. Двенадцать безнадежно долгих гудков. Шестнадцать. Двадцать.

В «Кайросе» прецедент уже был. У женщины трагически погиб любимый муж, она попросила о помощи: не видела смысла жить дальше. Дело взяла *эксперт* – позиция рангом выше, чем Надина. Митрофанова еще порадовалась. Эксперта по имени Лидия она знала. Ответственная и очень душевная женщина, дипломированный психолог.

Но через месяц несчастная все-таки покончила с собой.

Шеф созвал экстренную встречу для ближайших соратников. Лидия рыдала. Сквозь слезы рассказывала про сеансы психотерапии, как вместе ходили в театры, готовили блюда экзотические, разговаривали бесконечно.

– Она улыбаться начала. За собой стала следить, подкрашивалась!

И – нарядная, полностью в чистом – совершила суицид.

Шеф по своим каналам выяснил: самоубийство продумано, хорошо подготовлено. В квартире идеальный порядок. Свежее завещание. На столе записка.

Надя заплаканную Лидию жалела едва ли не больше, чем неведомую ей самоубийцу. Но шеф оказался неумолим:

– Ты же психолог! Должна была догадаться. Предвидеть. Остановить ее.

Как ни умоляла Лидия дать шанс, доступ в «Кайрос» ей был закрыт.

И Надя страшно боялась. Нет, не того, что ее саму исключат, – что Юлина смерть тоже будет на ее совести.

Но на двадцать пятом гудке девушка неожиданно ответи-

ла. Голос тусклый, безжизненный:

– Але?

– Юлечка, это Надя.

– Зачем ты звонишь? – почти враждебно.

– Хотела узнать, как дела.

– Дела очень плохо. Феликс мне не звонит. И номер мой заблокировал.

Фоном слышалось завывание ветра, вороны надсадно каркали.

– Юль, а ты где?

– Я гуляю.

– Где конкретно?

– Н-не знаю. Парк какой-то.

– Ты придешь сегодня в библиотеку?

– Нет. Зачем?

– Я хотела чаю с тобой выпить!

– Надя... – голос задрожал. – Мне не нужен чай. И вообще ничего не нужно. Как ты не понимаешь?!

– То есть ты сдалась, – вырвалось гневное.

– А что я сделать могу? Феликс был всем для меня.

Без него ни в чем смысла нет.

Говорить ей, что время лечит? Всех когда-то бросали и она еще встретит новую любовь? Только посмеется горько.

– Юля, – твердо сказала Митрофанова, – дай мне неделю.

Я попробую вернуть его тебе.

– Надя, – печально усмехнулась Юлия. – Он ведь не вещь.

Как ты его заставишь?

– А ты подожди. Все бывает. Но у меня есть условие.

– Какое?

– Приезжай в библиотеку.

– Господи, да не хочу я! Тут люди, а я никого видеть не могу, как ты не понимаешь?!

– Тогда я к тебе приеду сама.

Вздыхнула:

– Когда?

– Ну, скажем, завтра. После работы.

– Надь, ты прости, но я не понимаю. Зачем? Мы с тобой не подруги, и утешать меня тоже не надо.

Митрофанова хладнокровно отозвалась:

– Зато у тебя занятие будет. Порядок навести, печенек к чаю купить. Лучше, чем рыдать.

– Слушай, – в голосе надежда, – а какие у тебя рычаги?

Как ты можешь вернуть его?

– Юля, не могу ничего сказать. И обещать тоже. Но я пытаюсь. Что такое семь дней? Тебе сложно подождать?

– Мне тошно, Надя, понимаешь, тошно!

– Все, хватит истерить. До завтра.

Надя вернулась в зал. У стойки, к счастью, никого, читатели мирно склонились над книгами. Она вывела из спящего режима компьютер. По правилам, исполнителей теревить нельзя, но Митрофанова решила нарушить устав. Написала Марьяне: *«Прости, пожалуйста, что дергаю. Но девушка»*

в ужасном состоянии. Боюсь, что-то сотворит с собой. Когда можно ждать новостей?»

Вряд ли посреди рабочего дня исполнительница сидит на сайте «Кайроса». Однако ответ пришел почти мгновенно: *«Я все подготовила. Завтра день “X”. Послезавтра будет информация. Пришли номер мобильного своего».*

Надя отозвалась десятью цифрами.

Нервно хрустнула пальцами. И хотя ей ясно дали понять, мол, в детали не лезь, все-таки дописала: *«Марьяна, пожалуйста, хоть намекни, из какой оперы это будет. Мне надо как-то поддержать человека».*

Собеседник печатает... потом просто «в сети»... снова печатает... и опять сообщения нет. Марьяна, похоже, подбирает слова. Скорее всего, напомним сейчас *мастеру* устав: в чужие методы лезть не положено. Но собеседница все же отозвалась: *«После того как я переishлю тебе файл, ни один человек не захочет иметь дел с Ангелиной. Жди. Послезавтра утром я выйду на связь».*

На этом переписка завершилась.

* * *

Второе дело Димы

Прежде всего Полуянов пробежался по сайтам западных школ и спортивных академий.

В Европе хоккеистов из России вообще не ждали, в Аме-

рике в почете оказались бейсбол и теннис. Но поступать учиться туда можно только в семнадцать – и сразу в университет. Зато в Канаде обнаружилось сразу несколько юношеских хоккейных команд, куда готовы были брать россиян. Учишься в обычной школе и после занятий тренируешься. Имелось также немало хоккейных академий (там все в одном месте: и спорт, и науки). Кое-где обещали не только бесплатную учебу, но и жилье, питание, учебники, помощь с визой и даже покупкой билетов.

Дима, благо с английским проблем нет, вступил в переписку. Отвечали ему охотно и быстро. Но сразу подчеркивали: если мальчик всего лишь *умеет играть в хоккей*, ни о какой финансовой поддержке речи идти не может. Нужны серьезные достижения, желательно на международном уровне, приличный английский, хороший аттестат. Тогда можно рассчитывать, что возьмут на халяву. И то при условии, что в Канаде найдется гарант и оформит над несовершеннолетним временное опекунство.

С учебой и иностранным языком у Саши дело явно плохо. И до уровня сборной он не добрался.

– Можно приехать заранее. Подтянуть язык, подготовиться к тестам по математике. Потренироваться с нашей командой. И попытаться получить стипендию на следующий учебный год, – предложили ему в одной из школ.

– А цена вопроса?

Вместе с куратором взялись считать. Канада – стра-

на недешевая. По самому минимуму вышло тридцать тысяч долларов. Скорее сорок. Для простой семьи нереально, но для Сашиного богатого папы сумма вполне подъемная. Как только его уговорить отпустить сына в свободное плавание?

Полуянов написал мальчику, обрисовал свой план. Саша отозвался восторженно: *«Супер! Кул! Давайте!!!»*

Но через минуту последовало сообщение уже без восклицательных знаков: *«Только отец не отпустит меня. Он даже на сборы меня не отпускает. Считает, что мне нужен постоянный контроль».*

«Я попробую его убедить».

«Как?»

«Это уж мои трудности. Напиши его фамилию».

«Хотите грохнуть? не советую. Скорей он сам вас прикончит».

«Почитай правила сайта. Мы не занимаемся криминалом и наши методы не разглашаем. Просто напиши, как зовут отца».

«Его бесполезно просить. Он только разозлится. И вас убьет, и меня».

«Не волнуйся. Я его ни о чем просить не буду. Твой отец сам предложит».

Взрослого человека, вероятно, не убедил бы. Но Саша всего лишь подросток. И Канада манила. Поэтому через минуту Полуянов уже вбивал в поисковик: «Константин Михай-

лович Стеценко».

Ого. Не воробушек – коршун. Скорее даже падальщик. Весьма опасная птица.

* * *

Надя

В Димкиных глазах снова зажегся огонь.

Но если во время первого своего дела любимый по большей части лукаво улыбался, то сейчас лицо сосредоточенное, жесткое. Точно так выглядел, когда в прежние времена опасные журналистские расследования вел. Вроде радостно за него, но и тревожно. Что затеял? Не попадет ли в беду?! Как жаль, что шеф настаивает категорически: ни с кем советоваться нельзя. Она бы предостерегла. Да и про собственное задание Наде очень хотелось поведать. Но правила есть правила. Ни о его деле выпытывать, ни о своем рассказывать не стала. Только предупредила:

– Я сегодня вечером задержусь.

– Какое совпадение, – усмехнулся. – Я тоже.

Подошла, прижалась. Дима ее обнял. Какое счастье, когда любимый рядом! И насколько хочется, чтобы Юля тоже могла опереться на мужское плечо.

...Митрофанова надеялась: Ласточкина все-таки решит оберечь свое *личное пространство* и придет в читалку сама. Но красавица в библиотеке так и не появилась. Надя выпи-

сала Юлин адрес из карточки читателя и после работы потащи- лась на «Юго-Западную». Сентябрь в этом году выдался холодрыжный, от метро пеший навигатор предложил идти полтора километра пешком. Митрофанова продрогла, про- мокла и с нетерпением предвкушала, как будет с Юлей пить горячий чай. Но звонок в домофон остался без ответа. Хоро- шо, из подъезда очень вовремя выходил собачник, удалось проскочить внутрь. Надя поднялась на нужный этаж, позво- нила в дверь. Опять тишина. Страдалица вышла пройтись? Или что похуже?.. Митрофанова занервничала.

За спиной распахнулись двери лифта. Юлия. Тоже про- мокшая. Вид виноватый, но в голосе Наде слышалась до- сада:

– Ой. Ты уже тут?

– Так я ж тебе сказала: сразу после работы поеду.

– Ну, пойдем.

Отперла дверь. Скинула сапоги. Надя отметила: совсем промокшие и в грязи.

– Снова в парк ходила?

– Да я сама не знаю, где брожу, – взглянула беззащитно. –

Так легче, чем тупо дома сидеть.

Порядка к приходу гости Юля не навела. В коридоре рас- кидана обувь, сумочки, бесплатные газеты, корзинка с бе- льем для стирки переполнена, на газетке почему-то болгар- ка.

Хозяйка перехватила удивленный Надин взгляд, усмехну-

лась:

– Плитку кафельную надо было разрезать. Проще самой, чем «мужей на час» вызывать.

– Получилось?

– Да хрен знает как. Но ничего, приклеила. Вот здесь, на кухне.

Плитка над плитой действительно кривая. И кухня тоже неприятная: завалена грязной посудой, на разделочном столе засохший треугольник сыра, заветренная колбаса. Надя удивилась:

– Мне почему-то казалось, что у тебя дома маниакальная чистота.

– Не мой конек, – усмехнулась красавица. – А уж сейчас – тем более.

На подоконнике лэптоп с открытой крышкой. Когда Юля отвернулась, Надя украдкой коснулась клавиатуры, пробудила монитор. Открылась последняя вкладка – огромная фотография Ангелины. Понятно. Травит раны, сравнивает себя с соперницей.

Но в целом Юлька не показалась ей человеком на грани. Хотя, когда прошли в гостиную, Митрофанова аж прищипнула. Вся стена увешана Феликсом. Фотографий сто, не меньше. Феликс на сцене. В «Корсаре», «Дон Кихоте», «Жизели», в каких-то современных балетах. Дает интервью. Получает на сцене призы-статуэтки. По центру – несколько совместных фотографий. Юля на всех светится счастьем.

Но если объективно, смотрятся вместе немного странно. Он – расслабленный, светский, в рубашках с эпатирующими принтами и драматичных плащах. И она – в неизменных своих «учительских» нарядах.

– Юлька, – задумчиво молвила Надя, – а ты не думала стиль одежды сменить?

Та неожиданно зло отозвалась:

– Как в глянцевых журналах советуют? Начни носить кожаные штаны, измени прическу – и он к тебе вернется?

– Почему нет? – хладнокровно парировала Митрофанова. – Если метод работает?

– Уж какая есть, – рассердилась Юлия. – Не собираюсь меняться в угоду кому бы то ни было. И вообще не в нарядах дело. Феликс просто корыстный. Где я и где Ангелина? Конечно! Гораздо интересней, когда у подружки особняк, куча горничных и содержать не надо.

– Ну и зачем тебе такой?

– Люблю, – грустно вздохнула девушка.

А в Надину душу вдруг червячок сомнения заполз. Что прямо за такая трагедия у Юли? Всех когда-то бросали – и ничего, переживали. И Юлька бы пережила.

Но маховик уже был запущен, и писать Марьяне, отменять свою просьбу Надя не стала.

Второе дело Димы

До пятнадцати лет Константин Стеценко по прозвищу Кость спал сладко. Кошмары начали сниться на малолетке. В ночь, когда соседа по шконке, новичка молодого-борзого, взяли на гармонь, первый раз и привиделось. Никакого сюжета, только туман и глаза – того парня, который откинулся. Нависают над ним, буравят мозг, травят душу. В реале раскаяния даже близко не испытывал, а ночами накатывало. Шавкой Константин ни дня не был, сразу стал волчонком, поэтому в слабости своей единственной никому не признавался. Вырывался из ночного тумана, просыпался в поту, долго переводил дыхание, на встревоженные вопросы жены отвечал грубостями.

Длилась беда всегда ровно сорок дней. Дальше душа убиенного, видно, окончательно покидала земное пространство и Константина больше не тревожила. До нового мокрого дела получалось спать спокойно.

Он давно воротила, на черную работу других нанимает, но странное дело: даже если жертву в глаза не видел, все равно снится. Без черт лица и деталей. Только туман и глаза со смертной поволокой над самой его головой. Ничего вроде бы страшного. Но однажды, когда проснулся в поту, супруга уговорила давление смерить – двести двадцать оказа-

лось. Умоляла срочно «Скорую» вызывать. Пришлось врезать, чтоб заткнулась.

И еще подметил: если кончишь ничтожество, кошмар снится почти не страшный и редко. Но если противник серьезный, то и сон навязчивый. Каждую ночь является.

Виссарион при жизни крови ему тоже много попил. Хотя вроде хилак, интеллигент, поэт. Борода, сальные волосенки. Руководитель – смех! – народного театра. Константин однажды ради интереса сходил на спектакль. Любители на «Гамлета» замахнулись. Тема хорошая. Когда Смоктуновский в кино вопрошал: «Быть или не быть?», даже Константина пробирало. А тут лажа полная, у них на зоне самодеятельность круче была.

Зато занимал народный театр совершенно исключительный особняк на Солянке. Как уж там Виссарион прежнего мэра обиходил, теперь неведомо, но документы были оформлены чин чинарем. Аренда на девяносто девять лет, и прошло из них только двадцать. А Константин на этот особняк давно глаз положил. Солянка – его район: тут и клуб ночной, и кабак. Давно хотел гостиницу эксклюзивную и поначалу надеялся с Виссарионом договориться. Какая театру разница: Китай-город или, скажем, Печатники? Актеры любительские – это ж не звезды, ездить будут куда угодно. А зрителей в театрике и так особо нет.

Но от хорошего предложения – обустроенное здание плюс на карман лично ему – Виссарион категорически отказался.

Сумму удвоили – театрально швырнул чемодан с деньгами прямо в лицо гонцам. Да еще труппу созвал, объявил пафосно, что стоит на пороге бездны, но театр ни за какие миллионы не отдаст. «Пусть хоть убьют. Вынесете отсюда под аплодисменты. Похороните. Но детище мое не отдавайте».

Было б дело лет хотя бы пятнадцать назад, пока Кость еще молодой, борзый, грохнул бы интеллигентика из принципа. Но он давно пообтесался: не только купил дипломов и приучил себя в приличном обществе обходиться без «фени», но и во власть успел сходить. Смог скрыть судимость, проработал в земельном комитете одного дальнего региона, пока детали биографии не раскрылись. Так что грубую силу решил не применять. Натравил на театрик всех, кого смог: пожарных, СЭС, налоговую. Пандемия очень кстати подошла, а Виссарион, дурак, фрондировал, масочный режим у себя на объекте не соблюдал, температуру сотрудникам не мерил. Очаг культуры со всех сторон обложили штрафами, а Роспотребнадзор еще и опечатал на девяносто дней.

Виссарион пытался привлечь журналистов, кричал на каждом углу про рейдерский захват. К Константину даже пару раз являлись, требовали комментариев. Он пожимал плечами: какое, мол, мне дело до жалкого театрлика?

И продолжал тихонечко очаг искусства гнобить. Департамент культурного наследия обнаружил в здании – памятнике архитектуры – незаконную перепланировку. Обязали перестраивать. Дальше кровлю объявили ветхой, а Виссариона

обвинили, что весь коллектив и зрителей опасности подвергает. В конце концов Городская межведомственная комиссия признала здание аварийным. Спектакли и даже репетиции проводить запретили.

И тогда Виссарион, чертов старый романтик, где-то раздобыл наган невесть каких времен. Вызнал, где его обидчик живет, и душным летним вечером, когда Кость с молодой женой шли пешочком к пирсу, где стояла их яхта, подкараулил.

Смешно бы было матерому волку погибнуть от руки чахлого интеллигентика. Но Виссарион – театрал! – захотел перед смертью посмотреть в лицо своему врагу. И пока выстраивал мизансцену, попал под шквальный огонь подоспевшей охраны.

Вроде Константин даже не виноват, хотя неприятности из-за того, что у бодигардов не имелось лицензии на боевое оружие, пришлось улаживать. Но умирал Виссарион при нем. В те несколько секунд, пока жизнь вытекала из тела, Кость стоял рядом. И его словно в воронку засасывало – не мог отвернуться. Смотрел и смотрел в меркнувшие, ненавидящие глаза.

С тех пор каждую ночь Виссарион преследовал. Никакой вискарь не помогал. Жenuшка даже просила позволения оборудовать себе отдельный будуар:

– Ты так зубами скрипишь, что я просто боюсь!

Но Константин в полудреме после кошмара любил зары-

ваться в женское тело, поэтому съезжать из супружеской спальни Элеонорке не позволил.

...Сегодня встал поздно. Жена уже упорхнула. Из бассейна грохотали «Белые розы»: супруга таким образом выражала траур по безвременно погибшему Юре Шатунову.

Константин накинул халат, прошел босиком в бассейн. Жenuшка, голенькая и соблазнительная со своей грудью после апгрейда (сделали, по его желанию, аж пятый размер) сложила накачанные губки сердечком, позвала:

– Прыгай ко мне, милый!

После страшных ночей не только сердце колотилось – силы мужской тоже как не бывало. Покойники словно себе забирали. Но не признаешься же! Оставалось только продемонстрировать гнев.

Рявкнул:

– Ты почту просмотрела?

Жена, помимо прочего, исполняла обязанности его личной помощницы и секретаря.

– Конечно, пупсик. – Вылезла из бассейна. Демонстративно завиляла попкой на пути к полотенцу. Начала медленно, соблазнительно стирать капельки воды с загорелого тела. Явно хотела, чтоб бросился, повалил. Но «дружок» под халатом мертвый. Сдвинул брови, нахмурился. Она поспешно завернулась в полотенце, зататорила:

– Ивашов написал, что оплатит контракт сегодня. Пропуска на грузовики выдали. И еще – представляешь? – журна-

лист Полуянов хочет у тебя интервью взять. Для «Молодежных вестей». Там тираж миллион. Прикинь, какой уровень?!

– И что ты ему ответила? – холодно спросил Константин.

– Как что? Согласилась, конечно! Добрый очерк про твой жизненный и профессиональный путь, на целую полосу. Это ж каких денег может стоить? А он говорит, бесплатно.

– Ты дура? – уточнил еще хладнокровнее.

– Но я читаю его рубрику! Там правда все очень доброе!

Как маленького енотика вытащили из водосточной трубы...

Константин не дослушал – вlepил со всего маху пощечину. Жена удара не ожидала, отлетела на кафель. А в бассейн тут же Сашка ворвался. Старший, исчадие. Вечно его пасет. Кинулся грудью:

– Не смей трогать маму!

Жену глупую Константин еще пожалел. И пластику дорогую на лице жаль попортить. Но сынок несносный огреб по полной. За все, в том числе и кошмары ночные.

* * *

Ленка в очередной раз намертво погрызлась с родаками. Счастье, что есть Марьяна. Старшая подруга ее не только от двойки по литературе спасла, еще и всегда в гости пускала. Не надо прятаться у одноклассников (с риском, что предки вычислят и вернут домой). А Марьяна даже обрадовалась:

– Конечно, приезжай ко мне. Я сегодня в ночь, коты будут

рады, что не одни.

Ну и прекрасно, что уходит. Марьяна, конечно, классная, но слегка зануда, как все взрослые. А так одна в пустой квартире, можно чатиться, в телик глазеть до упора или в бар заглянуть. Взять, допустим, джинчика на коктейль и потом воды в бутылку долить, чтоб ничего не заметно.

Где конкретно Марьяна работает, Ленка не знала. Та говорила туманно: «В гостиничном бизнесе». Непонятно только, почему смены всегда ночью. И рабочий костюм вообще жуть: брючки с низкой талией и в обтяжку, бюстгальтер непременно с пуш-апом, кофточка с таким вырезом, что их классуху мигом бы инфаркт хватил. И красилась ярко – стрелки чернящие, тени на все веко. Хотя дома всегда в скромном костюмчике хлопковом, волосы в хвост.

– Ты, что ли, крупье в подпольном казино? – приставала Ленка.

– Господи, нет!

– Администратор в борделе?

– Фу, как тебе такое в голову пришло? У меня абсолютно легальное место работы.

– Стриптиз танцуешь?

– Ой, Ленка, отстань. Какая из меня стриптизерша?

Но девочка упорно пыталась разгадать загадку. Когда осталась у Марьяны дома одна, даже в хозяйкином столе покопалась, но никаких подсказок не обнаружила. Только стишки рукописные, из которых Ленка вынесла: имеет-

ся на работе у Марьяны сослуживец по имени Игорь, она по нему сохнет, но отношения заводить боится. И еще подруга за должность свою почему-то стыдится. Что за служба такая? Вообще очень странно, когда ни трудового договора нет, ни фотографий с коллегами. А вдруг Марьяна какой-то тайный агент? Иностранцев шпионов ловит на живца? Но Мата Хари и прочие – они ж должны красотками быть. А Марьяна, даже при наряде и в боевом раскрасе, обычной выглядела. Да и разве могут тайные агенты себе позволить домашних питомцев? Должны быть одиночками, вообще без привязанностей.

Очень, очень подозрительно. Сегодня прямо особенно.

Ленка приехала в шесть вечера. Марьяна как раз одевалась и, без сомнений, что-то ее тревожило. Даже коты чувствовали. Обычно лежат увальнями, а сегодня крутятся вокруг хозяйки, мяукают.

– Куксик, Ричи, – умоляет Марьяна. – Да успокойтесь вы! Я завтра вернусь. Как обычно. В одиннадцать.

А у самой руки дрожат.

Разница в возрасте у них – семнадцать лет. Но юная Ленка все равно сказала тоном строгой мамочки:

– Что-то ты затеяла. Нюхом чую.

– Глупости.

– Ты уже все губы облизала и помаду съела. Если будешь так дергаться, точно спалишься.

– Хватит каркать!

– Значит, точно криминал.

– Не криминал, а помочь надо людям! – выкрикнула.

Замолчала. Задумалась. Ленка терпеливо ждала.

А Марьяна подошла к холодильнику. На дверце блокнотик висит на магнитике. Хозяйка оторвала листочек. Написала на нем – по памяти – телефонный номер. Протянула Ленке:

– Вот. Если я вдруг не приду... ну, скажем, к полудню – кинь туда сообщение. Только два слова: «У Марьяны не получилось».

– Как это не придешь? – ахнула школьница. – Что ты затеяла?

– Да не волнуйся ты. Все продумано. Я приду. Это так, страховка. На совсем непредвиденный случай. Все, Ленка, отвали. Я и так уже опаздываю.

Накинула плащ и выскочила в сумрак дождливого вечера.

А коты, вместо того чтоб к Ленке липнуть, орали ей вслед. Будто что-то предчувствовали.

* * *

От интервью Константин Стеценко все-таки отказался – как Полуянов и ожидал. Не совсем у криминального бизнесмена, значит, пиарщики дураки. Не сразу, но выяснили, что Дима про баранов на МКАДе далеко не всю свою журналистскую жизнь пишет.

Даже лучше, что очная схватка не сейчас. Будет время подготовиться.

И Дима с удовольствием создал в компьютере новую папку под названием «Досье К.С.».

Из официального компромата за Константином Стеценко числилось две уголовные статьи. Грабеж в нежном подростковом возрасте (получил три года в детской воспитательной колонии). А в двадцать лет отправился на строгий режим по третьей части статьи 163 Уголовного кодекса.

Вымогательство в особо крупных размерах с причинением тяжкого вреда здоровью. В переводе на человеческий язык – рэкетом занимался. На хороших адвокатов средства, вероятно, имелись: дали по минимуму – семь лет. Через шесть вышел по УДО. С тех пор не попадался. Сменил тактику.

Получил высшее образование – престижный экономический вуз. Но студента с такой фамилией никто из преподавателей вспомнить не смог: диплом, вероятно, купленный. Параллельно с учебой открывал и закрывал многочисленные ООО и ИП. Сфера деятельности – торговля, общественное питание. Потом вдруг уезжает за три тысячи километров от Москвы и оказывается на серьезной должности – руководитель земельного комитета. Проработал всего несколько месяцев, ушел по собственному желанию. В местной прессе успела выйти статья под броским заголовком «Друг мэра – дважды судимый бандит».

Возвращается в Москву. Берет в жены вице-мисс конкурса красоты. У пары появляются сыновья-погодки. (Хотя человек обеспеченный, заявление на материнский капитал подает на следующий день после рождения младшего ребенка.)

В последние годы гражданин Стеценко активно скупает и реставрирует недвижимость в столице. В районе Солянки (от силы пара километров до Кремля!) имелись у него рестораны, ночной клуб. Строилась гостиница. Все дома – старый фонд, памятники архитектуры. Но при этом никаких проблем с Департаментом культурного наследия. Строго соблюсти многочисленные нормы – Дима знал – нереально. Значит, умеет договариваться.

А каким, интересно, путем золотые во всех смыслах здания к нему в руки попадали?

Едва начал разбираться – в сердце уже приятный холодок. Бывший владелец здания, где нынче ресторан, – пропал без вести, через пять лет признан умершим. Директора библиотеки, в которой расположился ночной клуб, постигла та же участь. Несложно предположить, кто помог обоим исчезнуть. Стеценко, похоже, вообще человек без тормозов. Во власти у него имеются очень мохнатые лапы. И полиция его темные делишки покрывает.

Всего-то и надо: разворошить осиное гнездо. А потом предложить бизнесмену сделку. Он – делу дальнейшего хода не дает. А Стеценко – отправляет сына в Канаду. Несложная комбинация. Должно сработать.

В воскресенье Надя проснулась в шесть пятьдесят утра. Хотя с чего бы? За окном дождик, в спальне уютно, спать бы да спать. В полудреме потянулась обнять Димочку, но кровать еще теплая, а любимого нет. Тоже в свой законный выходной вскочил – для него уж совсем нетипично.

Надя немедленно выбралась из постели, на цыпочках пробежалась по квартире. Дверь в кабинет прикрыта не плотно. Полуянов за компьютером, рядом чашка кофе дымится. Ради рубрики своей в «Молодежных вестях» сроду в такую рань не вскакивал. Ну и прекрасно. Мужчине надо заниматься серьезным делом, а не почтеннейшую публику развлекать.

Тревожить любимого не стала. Вернулась в спальню, надела халатик, взяла с зарядки телефон. В мессенджере одно новое сообщение. От Марьяны.

«Вот я клуша! Тоже должна первым делом за собственную миссию беспокоиться. А у меня Димка на первом месте...»

В нетерпении открыла. *«Сообщение удалено пользователем»*. Время отправки – пять часов три минуты утра.

Надя встревожилась. Что бы это значило? Сейчас семь. Звонить? Неприлично. Зашла в чат «Кайроса», напечатала: *«Марьяна, привет! Твое сообщение удалено. Отзовись, пожалуйста»*.

Тишина. Собеседница не в сети. В общем, логично. Мало

кто в воскресенье с раннего утра на связи.

Может, все-таки позвонить? Или в личный мессенджер написать? Но вдруг Марьяна спит и телефон не отключила, а она ее разбудит в несусветную рань?

Да и червячок, угнездившийся в мозгу во время вчерашнего визита к Юле, продолжал точить. Надо ли красотку спасать? За ее безопасность Надя теперь почти не волновалась. Уверилась: не будет та совершать необдуманных поступков. Хорошо бы вообще спустить дело на тормозах. Подождать, пока Марьяна сама выйдет на связь, и дать понять: ничего критичного, если компромата на Ангелину не будет. Не получается – так и не надо.

«И вообще я изначально задачу неправильно поставила, – корила себя Надя. – Не разобралась, не продумала. Феликс – тот еще ветреник. Юля для него – проходной вариант. Зачем под Ангелину-то копать? Ну, бросит теледиву – другую себе найдет. Девушку того же круга».

Смеялась, как Димочка неуверенной в себе девушке самооценку поднимал, а сердечный друг, похоже, прав. Надо не соперниц устранять, а Юлю переделывать, чтоб соответствовала своему принцу.

Может, с шефом посоветоваться? Но признавать, что накосячила, не слишком хотелось. Подождем. Может, само рассосется.

Митрофанова постаралась выкинуть чужие беды из головы и отправилась на кухню. Надо выпить кофе и побаловать

Димку роскошным воскресным завтраком. Уж он-то, несомненно, занят делом серьезным и нужным.

* * *

До пяти утра Ленка валяла дурака. Чатилась, фильм для взрослых по Марьянкиному телевизору смотрела, коктейльчик прихлебывала (джин хозяйкин, баночку тоника предусмотрительно принесла с собой). В начале шестого ее сморило – даже бокал от постели не убрала; Куксик под боком, Ричи ввиду плохой погоды тоже ей в ноги, под одеяльце забрался.

В половине одиннадцатого вскочила, будто пнули ее. Офигеть, день в разгаре, в квартире бардак, и сейчас ведь Марьянка придет! Распугала котов, сломя голову кинулась наводить порядок. Обычно хозяйка возвращалась в начале двенадцатого, усталая, в прокуренной одежде (почему, интересно, если сама табак не употребляет, а во всех злчных местах столицы дымить давно запретили?). Всегда улыбалась растроганно, если Ленка чем-то радовала ее. К сегодняшнему дню девочка специально изучила, как готовить оладьи, и даже пару раз попрактиковалась дома.

Постель убрать, бокал из-под коктейля вымыть, канал для взрослых переключить на невинное «МУЗ-ТВ», котам наполнитель сменить. К одиннадцати – чистота-блеск, теперь срочно месим тесто на оладьи. Торопилась, злилась,

что получается с комочками, то и дело на часы поглядывала. По счастью, Марьяна задерживалась, и Ленка очень радовалась, что было время решить проблему. Нашла в кухонном шкафчике миксер, получилось в итоге шик-блеск, в «Адской кухне» бы оценили. Пожарить тоже удалось топово. В половину двенадцатого выдохнула: все готово. Квартирка вылизана, и аромат домашний витает. Марьянка не пожалеет, что позволила ей ночевать.

Забодяжила себе чаю крепкого, испробовала оладушков. Очень недурственно. Может, после школы учиться на повара пойти, а не в институт? То-то предки взовьются!

Размечталась, как учится, параллельно подрабатывает, а сразу, как диплом на руках, ее помощником шеф-повара берут куда-то в крутое место. Во всяких конкурсах участвовать, самой стать шефом, выучить итальянский, поехать в Рим на стажировку... На стадии, когда открывает собственный ресторан на Пьяцца-дель-Пополо, одумалась. Начало первого. Где Марьянка-то? Холодные оладьи совсем не то, что с пылу с жару.

И только тут вспомнила про вчерашние хозяйкины речи тревожные. Неужели та все-таки влипла куда-то, как и боялась?!

Немедленно схватила мобильник, набрала Марьянин номер. «Абонент временно недоступен». На работе у нее телефон всегда выключен. Но смена вроде бы до половины одиннадцатого. И на метро Марьяна никогда после ночи не ез-

дит – всегда на такси. Позвонила еще раз – по-прежнему мертво.

Блин. Спасать надо хозяйку.

Вот бумажка, незнакомый номер.

«У Марьяны не получилось», – написала Ленка.

И уже через минуту ее телефон зазвонил.

* * *

Накануне Надя требовала с Полуянова обещание, что в воскресенье они поедут на большую продуктовую закупку в гипермаркет. Ходить по магазинам Димка терпеть не мог, но ей нравилось, когда он рядом, катит тележку и посмеивается над раздумьями, оливковое масло какого производителя лучше купить, поэтому всегда уговаривала. Однако начинать упрашивать приходилось за месяц.

«Удивится, наверно, что отменяю».

Сказала вкрадчиво:

– Димусь... Взвесилась сейчас. Плюс килограмм. Если в магазин – не удержусь, вкусняшек наберу. Давай я лучше пресс покачаю? Потом на степ-аэробику. А на ужин куплю здоровой еды.

Сердечный друг неприкрыто обрадовался:

– Отличная идея! Сходи, конечно, в спортклуб – тем более раз самой хочется. Только мне мяса купи. Я здоровую еду не хочу.

И снова уткнулся в монитор.

А Надя помчалась в Печатники, где проживала Марьяна.

Встретили ее запах оладий, два наглых, жирных котяры и встревоженная девчонка-подросток. Животные подозрительно обнюхивали Надины брюки, а школьница тараторила.

– Я Марьянку такой, как вчера, никогда не видела. Куда она влипла-то? Чего теперь делать?

Смотрела на Митрофанову испуганно. Надя старалась держаться максимально уверенно. Спросила словно бы между делом:

– А где Марьяна работает?

Девчонка округлила глаза:

– Я думала, вы знаете.

– А ты?

– Нет... она не говорила.

– Но ты должна знать. Раз дружишь с ней! И у нее ночуешь!

– Да. Она мне подружка. Все рассказывает – и про мужей бывших, и что нитки в скулы вшивала. А про работу – ничего. Какая-то секретная у нее должность. Смены только ночью. Одевается всегда одинаково. Черный костюм, но не бизнес-стайл. Выглядит как проститутка! И красится так же.

– А какое образование у нее?

– Гостиничный бизнес. Директором дома отдыха была.

– Может, ночной портье?

– А зачем вырез на кофте, что все сиськи наружу? Да

и сказала бы тогда: «Я, допустим, в «Хилтоне». – И добавила с укором: – Я думала, *вы* в курсе, раз она ваш телефон для связи дала. Так понимаю, вы вместе чего-то затеяли.

Митрофанова потерялась окончательно:

– Нет. То есть да... Марьяна выполняла мою просьбу, но...

Девочка перебила:

– Значит, вы подставили ее?

Надя хотела начать оправдываться, но слова замерли на языке.

Вот это история...

Марьяна дала для экстренной связи ее номер. В пять утра отправила ей сообщение, но сразу его удалила. В двенадцать – не вернулась с работы. Несомненно, все это как-то связано с *миссией*. И с Ангелиной Асташиной. Но как? И что делать теперь?

– Что с котами-то? – продолжала пищать девчонка. – Мне домой надо, а то предки совсем уруют.

«Вот это заварила я кашу», – покаянно подумала Митрофанова.

Плевать уже на правила «Кайроса». Ей срочно нужен Димкин совет.

Надя заверила девчонку, что Куксик и Ричи будут под надежным присмотром. Закрыла за Ленкой дверь и немедленно набрала номер Полуянова.

«Абонент временно недоступен», – отозвался механиче-

ский голос.

* * *

В час дня Дима решил пройтись. Нет ничего лучше быстрой пешей прогулки, когда нужно обдумать и структурировать информацию. Как раз и дождь кончился, сквозь обрывки туч даже солнце проглядывает. Кроссовки, ветровка – чем быстрее шагаешь, тем активнее мозг работает. Быстрым шагом добрался до поймы Яузы. Здесь совсем беспринято – тишина, ветер, ни души. Зато одиночество всегда располагало к мыслительной деятельности.

В прежние времена, когда ходил по лезвию ножа, всегда осматривался. Подмечал подозрительных прохожих или когда рядом крадется машина с тонированными стеклами. Но нынешняя безобидная работа давно притупила бдительность. Поэтому даже не обернулся на торопливые шаги за спиной. И ничего не успел сделать, когда на голову обрушился страшный удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.